

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе 2023-2024 г.
Муниципальный этап 10-11 класс**

II тур

Задание № 4. Целостный анализ текста (70 баллов) Выберите ОДИН из предложенных вариантов

Вариант 1. Выполните анализ стихотворения **Беллы Ахмадулиной «Снег»**

Вы вправе самостоятельно выбрать методы и методики анализа, однако должны реализовать в работе системный научный подход, представить истолкование произведения, приближающее вас к авторской позиции и глубинному смыслу текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст. (65 баллов).

Речевое оформление работы – 5 баллов.

При наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трёх ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Б. Ахмадулина

Снег

Лишь бы жить, лишь бы пальцами трогать,
лишь бы помнить, как подле моста
снег по-женски закидывал локоть,
и была его кожа чиста.

Уважать драгоценную важность
снега, павшего в руки твои,
и нести в себе зимнюю влажность
и такое терпенье любви.

Да уж поздно. О милая! Стыну
и старею.
О взлет наших лиц —
в снегопаданье, в бархат, в пустыню,
как в уют старомодных кулис.

Было ль это? Как чисто, как крупно
снег летит... И, наверно, как встарь,
с январем побрататься нетрудно.
Но минуй меня, брат мой, январь.

Пролетание и прохожденье —
твой урок я усвоил, зима.
Уводящее в вечность движенье
омывает нас, сводит с ума.

Дорогая, с каким снегопадом
я тебя отпустил в белизну
в синем, синеньком, синеватом
том пальтишке — одну, о одну?

Твоего я не выследил следа
и не выгадал выгоды нам —
я следил расстиланье снега,

его склонность к лиловым тонам.

Как подумаю — радуг неровность,
гром небесный, и звезды, и дым —
о, какая нависла огромность
над печальным сердечком твоим.

Но с тех пор, властью всех твоих качеств,
снег целует и губит меня.
О запинок, улыбок, чудачеств
снегопад среди белого дня!

Ты меня не утетишь свободой,
и в великом терпенье любви
всею белой и синей природой
ты ложишься на плечи мои.

Как снежит... И стою я под снегом
на мосту, между двух фонарей,
как под плачем твоим, как под смехом,
как под вечной заботой твоей.

Все играешь, метелишь, хлопчешь.
Сжался же, наконец, надо мной —
как-нибудь, как угодно, как хочешь,
только дай разминуться с зимой.

Вариант 2. Выполните анализ рассказа **Сигизмунда Кржижановского «Сбежавшие пальцы»**

Вы вправе самостоятельно выбрать методы и методики анализа, однако должны реализовать в работе системный научный подход, представить истолкование произведения, приближающее вас к авторской позиции и глубинному смыслу текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст. (65 баллов).

Речевое оформление работы – 5 баллов.

При наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения (в среднем более трёх ошибок на страницу текста), работа по этому критерию получает ноль баллов.

Сигизмунд Кржижановский

Сбежавшие пальцы

I

Две тысячи ушных раковин повернулись к пианисту Генриху Дорну, спокойно подвинчивавшему длинными белыми пальцами плетенку стула-вертушки... Фалды фрака свисли с вертушки, а пальцы прыгнули к черному ящику рояля -- и мерным бегом по прямой мощенной костяным клавишем дороге. Сначала они направились, блестя полированными ногтями, от С большой октавы к крайним стеклито-звонящим костяшкам дисканта. Там ждала черная доска -- край клавиатурной коробки: пальцам хотелось дальше, -- они четко и дробно затопали по двум крайним костяшкам (глаза в зале здесь-там зажмурились: "какая трель"), -- и вдруг, круто повернувшись на острых, обутых в тонкую эпидерму кончиках, опрометью, прыгая друг через друга, бросились назад. У середины пути пальцы замедлили бег, раздумчиво выбирая то черные, то белые клавиши для тихого, но глубоко вдавленного в струны шага.

Две тысячи ушей пододвинулись к эстраде.

Знакомая нервная дрожь вошла в пальцы: став на втиснувшихся в струны молоточках, они вдруг, резким прыжком, перешвырнулись через двенадцать клавиш и стали на c-es-g-b [Минорный септаккорд (до -- ми-бемоль -- соль -- си-бемоль)].

Пауза.

И опять, сорвавшись с аккорда, пальцы стремительным пассажем неслись к краю клавиатуры. Правая рука пианиста тянула назад, к медиуму, но расклевывшиеся пальцы не хотели: в бешеном разбеге они мчались вперед и вперед: промелькнула стеклистыми звонами четвертная октава, пискнули добавочные костяшки дисканта, глухо стукнуло по ногтям черным выступом клавиатурной рамы: отчаянно рванувшись, пальцы выдернулись вместе с кистью из-под манжеты пианиста и прыгнули, сверкнув бриллиантом на мизинце, вниз. Вощенное дерево паркета больно ударило по суставам, но пальцы, не выронив темпа, вмиг поднялись на [Минорный септаккорд (до -- ми-бемоль -- соль -- си-бемоль)].

распрямившихся фалангах и, семена розовыми щитками ногтей, высоко подпрыгивая широким арпеджиообразным движением -- мизинец от безымянного, безымянный от среднего, -- бросились к выходу из зала.

Тупой огромный нос чьего-то ботинка загородил было путь. Чья-то грязная подошва притиснула на мгновение мизинец к ковру. И пальцы, поджав прищемленный мизинец, юркнули под свесившийся до пола занавес. Но занавес тотчас же дернулся кверху, обнажая две черных расширяющихся кверху колонны: пальцы поняли -- это был подол платья одной из поклонниц Дорна. Круто повернувшись на безымянном, они отпрыгнули вбок.

Нельзя было медлить. Кругом уж возникал шепот. Шепот -- в говор, говор -- в гомон, гомон -- в крик, крик -- в рев и топ тысячи ног.

-- Держи их, держи!

-- Что?

-- Где?!

Часть аудитории бросилась к пианисту: он, в глубоком обмороке, свис со стула; левая его рука упала на колено, пустая манжета правой еще лежала на клавиатуре.

Но сбежавшим пальцам было не до Дорна: работая длинными фалангами, сгибая и разгибая суставы, они зачастили *prestissimo* [очень быстро -- итал.] по ковровой дорожке к уступам лестницы.

С воплем и визгами, тыча локтями в локти, люди очищали путь. Из залы еще несло: "Держи! Где? Что?" Но лестница осталась позади.

Одним мастерским прыжком пальцы перемахнули через порог и очутились на улице. Топы и гамы оборвались. Вокруг молчала, овитая в желтое ожерелье фонарных огней, ночная безлюдная площадь.

II

Холеные пальцы знаменитого пианиста Генриха Дорна, обычно гулявшие лишь по слоновой кости концертных роялей, не привыкли к хождению по мокрой и грязной панели.

Теперь, очутившись на липком и холодном асфальте площади, ступая по плевкам и жиже луж, пальцы сразу поняли все безумие и экстравагантность своей выходки.

Но поздно. По порогу оставленного дома уже стучали подошвами и палками: возвратиться вспять -- значит быть раздавленными. Поджимая к безымянному пальцу ноющий мизинец, правая кисть Дорна прислонилась к шершавому камню тротуарной тумбы, наблюдая происходящее.

Дверь выбросила всех людей и сомкнула створы. Оторвавшиеся пальцы остались одни на опустевшей панели.

Моросил дождь. Надо было позаботиться о ночлеге. Пальцы, макая свою белую и тонкую кожу в лужи и канавы, медленно побрели, то спотыкаясь, то скользя, вдоль мостовой. Внезапно из тумана прогрохотал колесный обод: расшвыряв комья грязи, прокружил прочь.

Пальцы еле успели увернуться: брезгливо отряхая вонючие брызги, они взобрались на дрожащих и подгибающихся от волнения и устали фалангах по скосу тротуара и шли вдоль домов, вросших стенами в стены.

Был уже поздний час. С желтого циферблата простучало два. Створы дверей были сомкнуты, сморщенные железные веки окон опущены. Близился и снова ник чей-то запоздалый шаг. Где укрыться?

На расстоянии полуклавиатуры от тротуарных кирпичей алел, раскачиваемый ветром, огонь лампы. Под огнем ввинченная в стену прямоутлая железная кружка: "На храм".

Выбора не было: по выщербам стены на карниз кирпичи, с карниза на покатую крышку кружки. Отверстие кружки было узко, но пальцы пианиста недаром славились гибкостью и тониной: протиснулись в прорезь и... прыг. Внутри было темно, лишь слабый красный блик, оброненный в кружечную прорезь лампадой, лежал у окна. Рядом с бликом -- мятая доброхотная кредитка. Продрогшие пальцы забились в угол железного короба, укрылись кредиткой и, свернувшись под нею в кулак, лежали без движения. Суставы ревматически ныли; в обломанных и потрескавшихся ногтях зуд; мизинец распух, и тонкий обруч кольца глубоко врезался в кожу.

Но усталъ брала свое: алый блик качался из стороны в сторону, дождь выстукивал по крышке кружки упругими капельками знакомое moto perpetuo [Вечное движение (лат.) -- намек на пьесу Р. Шумана]. В узкую прорезь ящика глянул, щуря свои изумрудные глазки, Сон.

III

Встряхнувшись, пальцы расправили затекшие суставы и попробовали вытянуться во всю длину на жестком ложе. Алый луч зари ввился в медленно блекнущий блик лампы.

Дождь замолчал. Подпрыгнув раз и другой кверху, ударившись о крышку короба, пальцы осторожно просунулись наружу и сели на влажном скосе церковной кружки.

Предутренний ветер качал безлистными ветвями тополей. Внизу -- мерцание луж, вверху -- полз туч.

Как ни необычна была ситуация, многолетняя выгранная в пальцы привычка к полуторачасовым утренним экзерсисам заставила их взобраться на карниз церкви и проделать методический гаммообразный бег от края до края, справа налево и слева направо, пока тепло и гибкость не вошли в суставы.

Кончив упражнения, пальцы спрыгнули вниз на кружку и, сев поперек ее отверстия, стали грезить о близком, но оторванном прочь прошлом:

...вот они лежат в тепле под атласом одеяла; утреннее купание в мыльной теплой воде; а там приятная прогулка по мягко поддающимся клавишам, затем... затем прислуживающие пальцы левой руки одевают их в замшевую перчатку, защелкивают кнопки, Дорн бережно несет их, положив в карман теплого пальто. Вдруг... замша сдернута, чьи-то тонкие душистые ноготки, чуть дрогнув, коснулись их. Пальцы страстно притиснулись к розовым ноготкам и...

И вдруг чья-то корявая, с желтыми грязными ногтями рука столкнула размечтавшиеся пальцы со скоса кружки. Это была подслеповатая старуха, возвращающаяся с рынка. Поставив наземь корзину, полную кулчков, она подошла к кружке и нащупала дрожащей рукой прорезь, готовясь бросить свою скудную лепту. Но внезапно что-то мягкое и движущееся схватило ее за палец, отдернулось и перекувырнулось; тотчас же зашуршало в кульках -- и вдруг пять человеческих пальцев без человека, отряхиваясь от муки, выпрыгнули из корзины -- и по тротуару, наутек.

Старуха выронила деньги и долго и опасливо крестилась, шамкая что-то беззубым трясущимся ртом.

С кубика на кубик, ныряя в лужи и канавы, пальцы бежали дальше и дальше.

Двое мальчуганов, спускавших, сидя на корточках у канавы, кораблик с бумажным парусом, заметили их, когда, оттолкнувшись мизинцем от тротуарного края и присев на согнутых фалангах, пальцы готовились к прыжку через шумливую канавку. Разинули рты. Оставленный кораблик ткнулся килем о булыгу и -- донцем кверху.

-- Ого-го-ги! -- завопили мальцы, пускаясь в погоню.

Только необычайная пианистическая беглость спасала улепетывающие пальцы: разбрасывая брызги, срывая нежную эпидерму об острые выступы камня, они бежали с быстротой бетховенской *Appassionat'ы*, и, будь под ними не шершавые торцы, а клавиши, все величайшие мастера пассажа и глоссандо были бы превзойдены и посрамлены.

Вдруг позади что-то зарычало, и огромная когтистая лапа опрокинула убежавшую пятиножку: пальцы упали окровавленными ногтями кверху, стукнув алмазом, вкрапленным в кольцо на мизинце, о фант тротуара.

Клыкастая пасть дворового пса раскрылась над ними: в смертной истоме, судорожно скорчившись, пальцы щелкнули в синий нос и, выиграв миг, помчались дальше, гонимые лаем и гиком.

IV

Ночевать пришлось сперва в раструбе водосточной трубы. Поздно ночью снова полил дождь, и измученных оторвышей, забравшихся было в жестяной раструб, выплеснуло наружу: приходилось блуждать по темной панели, ища сухого пристанища.

За мутью подвального окна мигал огонь. Медленно ступая с пальца на палец по мокрой раме окна, бедные оторвыши робко постучали мизинцем в окно. Никто не откликнулся.

В стекле -- дыра, заклеенная бумагой: указательный палец прорвал бумагу, за ним пролезли и остальные. Вот и подоконник. В комнате -- тишь. На кухонном столе, придвинутом к окну, -- ни крохи. В железной печке, ставшей на раскоряченных гнутых ножках и ткнувшейся длинным железным хоботом в отдушник, дотлевали серо-алые угли. На деревянных нарах спали кучей, прижавшись друг к другу, -- женщина и двое детей: лица худы, глаза -- под сине-серыми сморщенными веками, тела -- под прелой рванью.

Но на углышке белой чистой наволочки, разряженной в желтые блики и искры копилки, сидел, хитро улыбаясь, Сон: он тер изумрудные глазки перепончатыми прозрачно-стеклистыми лапками и рассказывал беднякам свои сказки. И от слов его пятна на стенах зацвели розовыми зарослями, а белье, повисшее в воздухе, стало плыть по шпагату чередой белоснежных облаков.

Пальцы чинно сели у края стола и слушали: и под тихие разговоры Сна им вспоминался и неровный бег Phantasic-Stücke Шумана, и таинственные прыжки и зовы "Крейслерианы".

Малым оторвышам захотелось тоже подарить что-нибудь беднякам: на припухшем мизинце мерцало алмазное кольцо Дорна: корчась от боли, оторвыши уперлись искалеченными ногтями в золотой ободок: кольцо, звякнув, легло у края стола.

Пора.

За окном рождалось утро. Сон засуетился: сошел с подушки, уложил видения, и ищи его. За ним и пальцы: осторожно прощуршав прорванной бумагой у окна, -- снова на панель.

Мокрый весенний снег белыми звездами падал в жижу луж.

Замученные оторвыши не могли идти дальше: прижавшись к холодному камню панели, они собрались в щепоть и легли под тихие лёты белых звезд. И в тот же миг им стало слышимо: окостенелая земля закачалась несчетными клавишами; грохоча о черное и белое, роняя солнце с фаланг, прямо на оторвышей идут, быстро близясь, беспощадно-гигантские персты.

V

Музыкальный критик вбежал с газетным листом в руках в кабинет Дорна.

-- Читайте.

На восьмой странице номера, обведенное красным карандашом, стояло:

"Найдены пять пальцев

Неизвестно чьей правой руки.

Справляться: Дессингштрассе, 7, кв. 54. Телеф. 3-45, безцирк 1--9".

Скользнув глазами по строкам, Дорн бросился в прихожую, сорвал с вешалки пальто, неловко тыча пустой манжетой правой руки в рукав.

-- Маэстро, рано, -- суетился критик, -- "Справляться от 11--1 ч.", а теперь без четверти десять. И притом...

Но Дорн уже сбегал вниз по лестнице.

Когда получасом позже пианист Генрих Дорн увидел в картонной коробке, высланной ватой, свои сбежавшие пальцы, он заплакал: пальцы лежали, неподвижно сжатые в щепоть, безобразным комком на высланном ватой дне коробки. Кожа облипла грязью, изъязвилась и растрескалась; на тонких когда-то, отвратительно расплюснутых теперь, кончиках желтели наросты мозолей, ногти были сломаны и искромсаны, запекшаяся кровь чернела под сгибами суставов.

-- Мертвы, -- прошептал Дорн побелевшими губами и неумело потянулся пустым раструбом манжеты к неподвижно лежащим оторвышам; но те вдруг шевельнули мизинцем: еле-еле.

Дорн, истерически стуча зубами, придвинул беспалую руку к самой коробке: пальцы, шатаясь и путаясь в клочьях ваты, чуть приподнялись на дрожащих и подгибающихся фалангах и вдруг, затрепетав, прыгнули внутрь манжеты.

Дорн смеялся и плакал разом: на коленях его, высунувшись из-под белизны манжет, лежали рядом две руки: одна с белыми, холеными, пахнущими дорогими духами, точеными пальцами, другая -- коричнево-серая, заскорузлая, обтянутая грубой истертой кожей.

Через две недели после случившегося состоялся первый, по возобновлении, концерт знаменитого цикла Генриха Дорна.

Пианист играл как-то по-иному: не было прежних ослепительных пассажей, молниевых *glissando* и подчеркнутости мелизма. Пальцы пианиста будто нехотя шли по мощенному костяным клавишам короткому -- в семь октав -- пути. Но зато мгновеньями казалось, будто чьи-то гигантские персты, оторвавшись от иной -- из мира в мир -- протянутой клавиатуры, роняя солнца с фаланг, идут вдоль куцых пискливых и шатких костяшек рояля: и тогда тысячи ушных раковин придвигались -- на обращенных к эстраде шеях.

Но это -- лишь мгновеньями.

Специалисты один за другим -- на цыпочках -- покидали зал.

1922

III тур

Задание № 5. Творческое задание

Сейчас все более популярными становятся интерактивные музеи, где можно получить интересную информацию о биографии писателя, вещах, принадлежавших ему или его близким. Представьте, что вы принимаете участие в подготовке выставки «Любимые вещи русских писателей». Вам необходимо описать вещи писателя (писателей) XX века, которые выставлены на витрине (стенде) музея.

1) Предложите кандидатуру русского писателя XX века для выставки и назовите вещи, которые им принадлежали или могли бы принадлежать.

2) Опишите внешний вид 1–2 вещей, принадлежавших этому писателю или его возлюбленной, и создайте музейную «легенду» для каждой вещи (историю вещи: как она была связана с биографией писателя и каким образом попала в музей), чтобы экскурсовод музея мог рассказать о ней посетителям.

3) Объясните ход своих рассуждений и аргументированно обоснуйте свои фантазии по поводу выставленных вещей-экспонатов. Историю вещи и описание её внешнего вида придумайте самостоятельно. Пишите свободно, интересно, ярко: посетители музеев любят таинственные и захватывающие истории.

4) Подберите или сочините поэтический эпиграф к стенду (витрине).

Оцениваются: оригинальность истории, подробность, логика, обоснованность подбора второго эпиграфа, богатство речи.

Оценивание:

1. Назван писатель (ошибка в имени, фамилии или отчестве – минус 1 балл) 0–2
2. Внешний вид вещи (экспоната) описан подробно, выразительно, художественно 0–8
3. Музейная «легенда» вещи (экспоната) рассказана динамично, живо, эмоционально, ярко, с развёрнутым сюжетом и занимательным действием, в котором принимает участие названный ранее писатель (и/или его друзья, возлюбленные и т.д.) 0–10
4. Логика выбора и экспонирования вещей аргументирована, обоснована их связь с предложенным эпиграфом; придуманная история вещи ярка и оригинальна 0–5
5. Оригинальность эпиграфа и его соответствие описанию вещей 0–5
6. Разнообразие синтаксических конструкций, богатство литературной и научной речи, композиционная свобода владения материалом 0–5

Всего за задание: 35 баллов